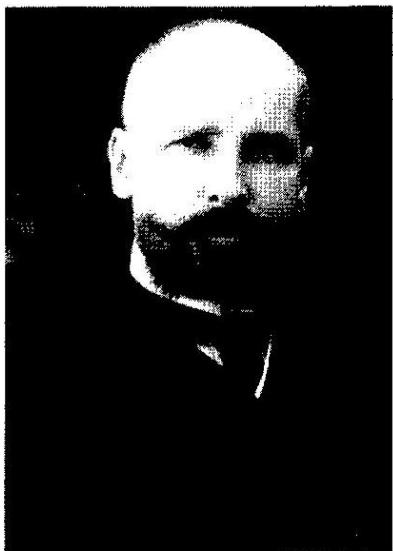

ПЕТР СТОЛЫПИН: СНАЧАЛА УСПОКОЕНИЕ, ПОТОМ РЕФОРМЫ

Насколько русский человек способен жить в условиях рынка? Насколько может он адаптироваться к реформам? Насколько готов он быть эффективным собственником, думать о «низком», а не о «высоком», стремиться к доходности, а не к народности? Споры на эту тему идут в России на протяжении многих десятилетий, если даже не столетий, то затихая слегка в период экономического подъема, то вновь усиливаясь в ситуации кризисов, революций и контрреформ.

Однако простой и весьма доходчивый ответ на все эти «ротковые» вопросы дал еще в 80-х гг. XIX века русский помещик и исследователь Дмитрий Аркадьевич Столыпин. Да-да, именно Дмитрий.

В Таврии близ Мелитополя провел он сельскохозяйственный эксперимент, построив 16 хуторов и сдав их в аренду крестьянам с правом выкупа в случае успешного хозяйствования. Участвовали в этом эксперименте один немец, несколько украинцев и, естественно, русские мужики.

Кто, интересно, хозяйствовал лучше всех?

Ничего оригинального в этом смысле эксперимент не выявил. Естественно, немец. Неплохо обустроились на земле и украинцы. Русские же поначалу отставали.

Но главное — не это. Принципиально важно то, что постепенно и они подтянулись к лидерам. Свобода предпринимательства, наличие материальных стимулов и позитивный пример передовиков, находившихся буквально под боком, переломили косность и консерватизм. Русские фермеры стали работать эффективно.

Этот небольшой пример наглядно демонстрирует, как происходит модернизация любого общества. Россия здесь не является

исключением. Французы в свое время учились предприимчивости у итальянцев, позднее – у голландцев и англичан. Немцы – у англичан, французов и бельгийцев. Австрийцы и чехи – у немцев. Венгры, хорваты, поляки, словаки и словенцы ориентировались на австрийцев и чехов, помаленьку подтягиваясь к европейским стандартам. Реформы и позитивный опыт соседей преобразовывали Европу от Ирландии до России. В нашей стране одну из важнейших реформ довелось провести Петру Аркадьевичу Столыпину – племяннику Дмитрия Аркадьевича.

«Рожденные в года глухие»

Столыпин по своему происхождению принадлежал к настоящей русской аристократии. Его мать, урожденная княжна Горчакова, вела свой род от Рюрика.

Петр появился на свет в 1862 г. Любопытно, что детство свое великий русский реформатор провел в Литве, в принадлежавшем Столыпиным имении Колноберже. В 12 лет поступил в гимназию города Вильно (нынешний Вильнюс). Правда, заканчивал свое гимназическое обучение он уже в Орле. В 1881 г. вскоре после гибели Александра II Столыпин поступил в Санкт-Петербургский университет, где обучался естественным наукам.

Годы формирования личности Петра Аркадьевича пришлись на период российской реакции, наступившей с восшествием на престол Александра II. Возможно, именно поколенческий фактор многое объясняет в отношении Столыпина к тому, как следует трансформировать Россию. Нельзя, конечно, сказать, используя знаменитые блоковские строки, что он был рожден в года глухие, однако, судя по всему, задумывался о судьбах страны Столыпин именно в такое время, когда восторги, связанные с демократическими преобразованиями, поутихли и следовало всерьез разбираться, как можно двинуться по европейскому пути развития, лавируя между Сциллой победоносцевского консерватизма и Харибдой террористического радикализма.

Петр Столыпин не стал либералом. Его отец как-то раз отметил: «Мои сыновья гораздо правее, чем я». И это вряд ли могло

удивлять. В 40-е – 50-е гг. XIX столетия многим казалось, что лишь кость николаевского самодержавия тормозит развитие России. В 80-х гг. стало ясно, насколько дик и неразвит сам народ, включая интеллигенцию, т.е. ту его часть, которая считала себя вполне образованной и способной учить уму-разуму темные крестьянские массы.

Впрочем, о том, что Петр Аркадьевич не был либералом, можно говорить лишь применительно к тому смыслу этого слова, которое доминировало в XIX веке. В России последних двух десятилетий либералы в основном выступали за максимально возможные экономические свободы общества, признавая в то же время нереалистичность быстрой политической либерализации. В этом они полностью следовали линии Столыпина.

Удивительно, что первая относительно либеральная политическая сила страны – гайдаровский блок «Выбор России» – при своем формировании в 1993 г. вынесла на эмблему Петра I (Медный всадник), тогда как Столыпина в основном «канонизировали» консерваторы, делавшие в экономике ставку на патернализм, а не на конкуренцию. Петровские методы «реформирования» России ничего общего не имели с гайдаровскими, тогда как реформа Столыпина была явной предшественницей преобразований 1992–1993 гг.

Исправить недоразумение попытался позднее крупнейший российский экономист-реформатор Борис Федоров, лично написавший одно из лучших исследований о Столыпине. Однако Бориса Григорьевича как политика преследовали сплошные неудачи, а потому его трактовка роли Петра Аркадьевича в отечественной истории, увы, так и осталась маргинальной.

«Уездный предводитель команчей»

В 1884 г. Столыпин женился на Ольге Нейдгардт, которая была на три года его старше. Девушка собиралась выйти замуж за старшего брата Петра Аркадьевича, однако тот внезапно погиб на дуэли с князем Шаховским. Столыпин-младший предложил Ольге руку и сердце, а также – согласно легенде, достоверность

которой неочевидна, — стрелялся с Шаховским и был ранен в правую руку, которая с тех пор у него плохо действовала.

Даже если история с дуэлью представляет собой семейное предание, она очень хорошо вписывается в образ Столыпина. Известно, в частности, что позднее, когда Петр Аркадьевич уже был премьер-министром, его прямо с парламентской трибуны оскорбил кадет Федор Родичев, именовавший виселицы «столыпинским галстуком». Столыпин послал обидчику вызов, и тот оказался вынужден принести свои извинения.

В тот же год, в который произошла женитьба, Столыпин поступил на службу в МВД. Позднее перешел в Министерство государственных имуществ, но особых талантов не проявил. В 1888 г. Петр Аркадьевич вернулся в любимое Колноберже и вскоре стал уездным предводителем дворянства. Это была должность для «пенсионеров», для тех, кто по какой-то причине не вписался в систему. Ильф и Петров через много лет высмеяли ее, назвав Кису Воробьянина уездным предводителем команчей.

Ничто не предвещало в обозримом будущем столь яркой карьеры, которую в итоге сделал Столыпин. Может, ее бы и не было вообще, если бы не особенности эпохи. Прошло не так уж много времени с тех пор, как Петр Аркадьевич покинул Петербург, и стало ясно, что карьерные бюрократы не способны предложить России ничего для преодоления трудностей как экономических, так и социально-политических. Понадобились люди мыслящие, а не карьерные. У Столыпина же в 90-х гг. имелось много времени для того, чтобы поразмыслить над тем, что такое Россия. Он видел ее не из окна столичного кабинета, а из глубинки — из села, в котором тогда производилась львиная доля богатств страны.

Более того, Столыпин видел не только Россию прошлого, но и Россию будущего. Совсем рядом находилась Восточная Пруссия. Те же земли, тот же климат, да фактически такой же работающий народ, что и на литовских землях. Но совершенно иная экономика. Крепкие юнкерские хозяйства, эффективно функционирующие крестьянские хутора. Время от времени Петр Аркадьевич ездил в одно из своих имений через территорию Восточной

Пруссии (так было ближе) и мог самым непосредственным образом наблюдать, как работает экономика в соседней стране. Как ни парадоксально, удалившись от дел в деревню, он сумел собрать больше информации, необходимой для будущих реформ, чем если бы управлял департаментом или занимался наукой в университете.

Столыпин стал выстраивать собственное хозяйство по западному образцу. У литовцев и так в сравнении с русскими крестьянами была больше распространена частная собственность, а Петр Аркадьевич стал еще и специально делать упор на формирование хуторской системы.

Фронт работ

Здесь надо сказать о том, чем же принципиально отличалось российское сельское хозяйство от прусского. Основные преобразования в аграрной сфере России провел император Александр II. Он отменил крепостное право и в общих чертах решил наконец вопрос о собственности на землю, о том, что кому принадлежит. Мужик и помещик перестали держать друг друга за горло. В деревне началось движение. Те, кто не хотел или не мог выживать на земле, отправлялись в город на заработки. Крупные же землевладельцы и крепкие мужики развивали хозяйство, стремясь заработать побольше денег. В конце XIX века Россия стала активно выходить на европейский рынок зерна в качестве ведущего экспортёра.

Однако аграрная реформа Александра II не была доведена до логического конца. Освободить мужика и помещика друг от друга – это было лишь полдела. Не менее важно оказалось освободить мужика от самого себя, или, точнее, от цепкой хватки крестьянской общины, фактически заставлявшей его оставаться таким же убогим, нищим, непредприимчивым, каким он был на протяжении столетий.

Насколько можно сейчас понять, важнейшим мотивом преобразований 1861 г. стало не столько повышение экономической эффективности, сколько решение морально-этических проблем.

Ни царь, ни прогрессивная часть российской элиты не хотели больше терпеть рабство, поскольку оно компрометировало страну в глазах европейской общественности. Улучшив имидж страны, реформаторы заодно способствовали развитию экономики.

Однако к концу XIX века отчетливо выявились потребность проведения экономической реформы как таковой. Из-за того, что в общинах осуществлялся передел земли, частная собственность фактически не существовала. Успешный крестьянин-работяга не способен был продвигаться вперед, поскольку не имел возможности прикупить землю соседа, да и свою собственную мог не сохранить.

Столыпин – европеец по духу, да фактически и по месту своего проживания – постепенно понял, что именно частная собственность и рынок являются основой успешного функционирования сельского хозяйства.

К такому же выводу пришел позднее и Александр – младший брат Петра Аркадьевича. В начале XX века он возглавлял добровольное общество «Русское зерно», главной целью которого было изучение зарубежной передовой аграрной практики. Общество отправляло в Германию, Францию, Чехию, Данию сотни практикантов. Практически все они, возвращаясь в Россию, выступали за фермерский путь развития сельского хозяйства. Однако убеждать общество в своей правоте было трудно. Россия не верила, что в Европе крестьяне имеют дома, почти как у помещиков, ездят на велосипедах, выписывают газеты.

Карьерный взлет

Аграрные занятия Столыпина были внезапно прерваны в 1902 г. Петра Аркадьевича, который к тому времени был уже не уездным, а губернским предводителем дворянства, внезапно назначили гродненским губернатором.

В Гродно Столыпин по должности возглавил местный комитет, занимающийся сбором предложений по подъему деревни и улучшению положения крестьянства. И тут вдруг выяснилось, что у этого сорокалетнего провинциального помещика, волей судьбы

вдруг вознесенного на губернаторский пост, уже есть в голове стройная, продуманная система аграрной реформы. Выступив на заседании комитета, Столыпин заявил о необходимости расселения крестьян из деревни на хутора и ликвидации чересполосицы, т.е. такой системы наделения землей, при которой мужик имел не единый участок под пахоту и покосы, а ряд узких полосок в разных местах огромных полей. Фактически такой подход уже предполагал разрушение общины, занимавшейся «нарезкой» земель по полоскам.

Теоретически можно было, наверное, ждать, пока сельская община медленно дозреет до самоликвидации и до идеи частной собственности. Однако Столыпин не готов был откладывать развитие сельского хозяйства на неопределенное время. Он выступал за быстрое проведение реформы сверху, т.е. за своеобразную шоктерапию, при которой крепкие и сильные крестьяне сразу получат возможность для расширения своего производства, а также для личного обогащения, тогда как убогие и пьяные вынуждены будут со временем, лишившись земли, переходить в батраки или даже перебираться в город на заработки.

Правда, столыпинский подход не делал ставки исключительно на индивидуализм. Частная собственность должна была дополняться кооперацией, выстраивавшейся по прусским, датским и бельгийским образцам.

В общем, можно сказать, что во время пребывания в Гродно Столыпин впервые выступил как государственный деятель всероссийского масштаба. Однако кроме презентации своей программы он ничего больше сделать не успел. Менее чем через год его перевели на губернаторский пост в Саратов. Петр Аркадьевич не хотел уезжать из западных регионов России в Поволжье, с которым фактически ничем не был связан. Однако его мнения начальство не спрашивало. Пришлось приспосабливаться.

А приспособиться оказалось нелегко. Саратовская губерния была одной из самых неспокойных в России. Местная интеллигенция откровенно демонстрировала свою оппозиционность. Некоторые земские деятели выказывали пренебрежение

губернатору — ставленнику ненавидимого всеми министра внутренних дел Плеве.

В 1905 г., когда началась первая русская революция, местные крестьяне попытались убить Столыпина. Первое покушение на свою жизнь Петр Аркадьевич перенес легко — послал жене записку: «Сегодня озорники стреляли в меня из-за кустов». Однако на самом деле это было уже не озорство. Вскоре террористы пригрозили губернатору убийством малолетнего сына. А потом ситуация вообще стала выходить из-под контроля.

Подавлять восстания пришлось и силой, и убеждением. Однажды толпа собралась прямо перед губернаторским домом. Столыпин вышел на крыльцо и вдруг увидел, как кто-то целится в него из револьвера. Он распахнул пальто и, глядя в упор на террориста, сказал: «Стреляй». Однако на убийство тот не решился. Револьвер выпал из рук. А вскоре толпа рухнула на колени и потребовала священника, чтобы отслужить молебен.

В другой раз Столыпин, проходя без охраны мимо враждебно настроенного народа, увидел вдруг ненавидящий взгляд какого-то парня. «Подержи мою шинель», — в приказном тоне сказал губернатор. Человек машинально повиновался и долго держал шинель, пока Петр Аркадьевич выступал перед толпой.

Увы, одним лишь моральным давлением ликвидировать беспорядки было невозможно. Столыпин проливал кровь. Его жесткость нельзя отделить от его реформаторских идей. Чтобы воспринять назревшие преобразования, страна нуждалась в успокоении. Позднее реформатор в одном из своих публичных выступлений четко провел различие между кровью на руках палача и кровью на руках врача, стремящегося исцелить больного.

Не запугаете

Столыпин в Саратове проявил себя как прекрасноправляющийся с трудностями губернатор. В апреле 1906 г. он стал министром внутренних дел России, а в июле — главой правительства. Прошло лишь четыре года с того момента, как скромного провинциального помещика призвали на государственную службу, а как

изменилось все в России и в личной судьбе Петра Аркадьевича. Передавать власть думской оппозиции царь не хотел, а среди сторонников авторитарного управления сильных фигур практически не имелось. В итоге все надежды на успокоение и преобразования теперь связывались с фигурой Столыпина — достаточно твердого, чтобы подавлять недовольство, и достаточно умного, чтобы после успокоения страны осуществлять реформы.

Началось новое правление с трагедии. Террористы взорвали дом на Алтекарском острове, где работал Столыпин и где жила вся его семья. Десятки людей пострадали, сын и дочь премьера оказались тяжело ранены. Семья Столыпиных была срочно эвакуирована в Зимний дворец, где царь выделил ей специальные апартаменты. Позднее премьеру для проживания предоставили Елагин дворец, находящийся на небольшом острове и хорошо охраняемый.

По рассказам очевидцев Столыпин прореагировал на покушение однозначно: «А все-таки им не сорвать реформ!» И уже 9 ноября 1906 г. появился подготовленный Владимиром Гурко указ о праве выхода крестьян из общины. Поддержка развитию частной собственности осуществлялась при помощи Крестьянского банка, который выдавал ссуды под залог земли. Ведь если она принадлежит мужику, а не общине, то под нее можно получать деньги, используемые для расширения участков, приобретения скота, инвентаря, стройматериалов.

За десять последующих лет более четверти крестьян воспользовалось предоставленным им правом на выход из общины. По всей видимости, это стало одной из важнейших причин роста сельхозпроизводства, расширения посевных площадей, увеличения экспорта и урожайности. Миллионы крестьян осваивали новые земли в Сибири, куда в 1906—1910 гг. переселилось почти столько же русских людей, сколько за предыдущие триста лет освоения обширных территорий.

Со временем реформа могла бы полностью преобразить российскую экономику. Однако у Столыпина не было серьезной опоры в обществе, расколотом революционными настроениями.

Из всех политических сил поддерживал Столыпина лишь «Союз 17 октября» во главе с Гучковым. Поэтому реформы носили чисто авторитарный характер. Дума была распущена, и преобразования произведены царскими указами в период, пока новые парламентарии еще не приступили к работе. В дальнейшем думцы становились все более покладистыми, однако одновременно все больше отрывались от народа и все меньше отражали реальные настроения масс.

Характеризуя свои политические взгляды, Столыпин отмечал: «Я конституционалист, но не парламентарист». Трудно сказать, что конкретно имелось в виду, но, по-видимому, он симпатизировал чему-то вроде просвещенного абсолютизма, при котором осуществляются прогрессивные реформы, а самовластие монарха ограничивается в основном его культурой, но не системой политических сдержек и противовесов. В ответ на попытки оппозиции представить правительству иное видение развития страны Петр Аркадьевич как-то раз сказал два знаменитых слова: «Не запугаете». Диалога не получилось.

А самую знаменитую свою фразу он произнес 10 мая 1907 г.: «Им (противникам государственности. — *Авт.*) нужны великие потрясения. Нам нужна Великая Россия». Сегодня порой люди, зазубрившие отдельные столыпинские высказывания, с помощью этой фразы пытаются сделать из Петра Аркадьевича поклонника государственного регулирования, а сторонников свободного рынка представить любителями великих потрясений. На самом же деле великий реформатор переводил на рыночные принципы работы многомиллионное российское крестьянство, а сторонники великих потрясений считал тех, кто готов был бесконечно болтать об интересах народа вместо того, чтобы проводить трудные и непопулярные реформы, во многом имевшие шоковый характер.

Смерть за ним идет!

Еще одной важной особенностью Столыпина, сближающей его с нынешними реформаторами и отдаляющей от поклонников всеохватывающего государства, является миролюбие. Петр

Аркадьевич, несмотря на наш конфуз, приветствовал окончание русско-японской войны, а также неоднократно вступал в жесткий спор с великим князем Николаем Николаевичем — откровенным милитаристом. Столыпин прекрасно понимал, что экономические реформы возможны лишь в мирное время. Чтобы радикально преобразиться, страна должна думать не о враждебном окружении, а о том, как лучше и больше работать. У окружения же порой полезно учиться эффективным методам хозяйствования. Например, тем, которые наш герой изучал в Восточной Пруссии.

Реальное отношение к Столыпину в обществе сильно отличалось от сегодняшнего, когда Петра Аркадьевича пытаются «приватизировать» почти все политические силы. При жизни его многие не любили. Придворные круги стремились ограничить влияние премьера на царя, а революционеры видели в нем оптимальную фигуру для устранения и, значит, для устрашения правящего класса. Постоянно шли разговоры о том, что жизнь Петра Аркадьевича в опасности. А Распутин, увидев однажды Столыпина на улице в экипаже, вдруг завопил: «Смерть за ним! Смерть за ним идет! За Петром... за ним...»

1 сентября 1911 г. Столыпин был смертельно ранен в киевской опере во время антракта. Говорят, что, падая в кресло и теряя силы, он успел еще сделать по направлению к царской ложе жест, который приняли за крестное знамение. Через несколько дней премьер скончался. Царь приехал в Киев и, преклонив колени перед телом усопшего, долго молился. Присутствующие явственно слышали, как он много раз повторял слово «Прости». Однако просить прощения было уже поздно. Россия семимильными шагами двигалась к войне, к революции и к катастрофе.